

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга
Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убойную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джульетта стреляет первой
Жемчужные тени
Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все

ПРОЛОГ

1959 год, июнь. Москва, СССР

Своим ключом Данилов отпер дверь Вариной квартиры, и первое, что он увидел, — тело ее мамы. Женщина лежала навзничь. На лбу — красное пятнышко. Неживые глаза широко распахнуты. Под затылком растеклась лужа крови.

Наши дни. Москва, Россия

Запись сделали в начале девяностых прошлого века. Как раз тогда эти *сбитые летчики*, бывшие советские сильные мира сего, снова стали интересными. Разумеется, те, кто дожил. Вернее, публике они, может, и раньше были интересны — да только до перестройки никто не собирался тратить драгоценную видеопленку и труд съемочной группы, чтобы записать мемуары человека, которые гарантированно не пустят в эфир.

Но в девяносто третьем отставником, после десятка лет забвения, вдруг заинтересовались. Вот он и сидел перед объективом видеокамеры — старенький, но пряменький, в костюмчике с галстучком. На полированном столе карельской березы лежали бумаги, подготовленные к разговору — как водится в *конторе*, лицом вниз. А цифры в углу кадра отсчитывали дату и время, и секунды неумолимо бежали вперед, к скорой и неизбежной кончине этого бывшего советского *руководителя партии и правительства*: 12.02.1993; 20:34:35... 36, 37, 38...

Полковник Петренко ясно представил себе, как лихие перестроечные телевизионщики отыскивали этого полузабытого пенсионера и какой шухер царил в квартире отставника, который уже лет двадцать пять к тому времени не давал никаких интервью и все пятнадцать — пребывал в полном забвении. Как жена или прислуга мыли все и пылесосили, доставали

из шкафа белую рубашечку с галстучком, продумывали, куда посадить и чем угостить журналистов. Камера у телевизионщиков имелась, судя по всему, одна и старинная, тяжеленная — планы не менялись, ракурс тоже. Лица корреспондента так ни разу и не показали, вопросы доносились из-за кадра, объектив был постоянно нацелен на героя. Лишь иногда оператор позволял себе вольность: со слышимыми щелчками приближал-удалял лицо интервьюируемого. В один из таких «наездов» стало заметно, что воротничок его рубашечки беленькой, надетой под галстучек, — потерялся, посекся и выглядит жалко.

Но сам хозяин держался внушительно: четко формулировал, ясно описывал. Хотя, конечно, старческая ригидность, замедлявшая реакции, давала о себе знать. Полковник помнил, что через полтора года после записи интервьюируемый умрет. Но сейчас Петренко совершенно не интересовало то, что случилось с объектом *после*. Важно было, что творилось с ним *до*. И *что он собой представляет*. И *сможет ли*.

Интервью это полковник уже видел, да, собственно, он его для показа на совещании и готовил, поэтому мог сейчас сосредоточиться не на содержании, а на том, как товарищ держится и реагирует.

А интервьюируемый со вкусом повествовал о самом, наверное, ярком событии в его жизни: заговоре против Хрущева в 1964 году, в котором отставник принимал самое деятельное участие.

— Кто и когда впервые предложил вам присоединиться к группе по устранению Никиты Сергеевича? — наседал корреспондент.

— Многие тогда понимали, что действия Хрущева ведут партию и государство в неправильном направлении, — начал округло комментировать *сбитый*

8   *летчик*, а Петренко вновь мысленно попенял на его велеречивость и взвешенность — тогда-то, в девяносто третьем, бог бы с ним, пусть осторожничает. Но хватит ли у *кандидата* решимости и жесткости в пятьдесят девятом — если судьба вдруг подарит ему, молодому, второй шанс? А если не хватит? И он не сможет? Тогда кто?

Похоже, о том же думал и нынешний начальник *комиссии*, генерал Марголин, и второй генерал, на одну звезду важнее, из центрального аппарата. А вот о чем размышляли те двое в гражданских костюмчиках, которые перед совещанием даже не представились? Они сидели важные, непроницаемые — однако им, судя по всему, предстояло главное: решать. Точнее, выбор все равно будет делать Сам, и никто больше, но вот от того, как эти двое доложат Папе, зависит все.

— Понятно, — небрежно кивнул один из молодых.

Повинуясь едва заметному знаку начальника *комиссии*, «козла-винторогого» Марголина, Петренко остановил запись на полуслове.

— Итак, вы предлагаете, — игнорируя старшего по званию Марголина и другого генерала, из центрального аппарата, напрямую обратился к Петренко второй молодой, — именно на него сделать основную ставку?

— Пока — да, на него, — ответил Петренко. — Да ведь других кандидатов — раз-два и обчелся. И выглядят они гораздо хуже. Однако заранее спрогнозировать, как развернется операция, вряд ли возможно. Придется принимать решение на месте.

— Значит, у вас там, *в прошлом*, в пятьдесят девятом году, сейчас находятся двое *сотрудников*?

— Сотрудник — один. Точнее, одна. Варвара Кононова, капитан. Служит в *комиссии* почти двадцать лет.

— Двадцать? И всего лишь капитан?

— Да, бывает недисциплинированна, за что подвергалась взысканиям. Зато умна, смела, преданна.

— А кто второй?

— Второй — гражданский, некий Данилов, ее сожитель.

— А не кажется ли вам, товарищ Петренко, что эту группу, находящуюся в прошлом, необходимо усилить? Причем лично вам?

Январь 1959 года

В Советском Союзе зимой долго не отдыхали. Первого января отоспались после новогодней ночи — и второго на работу. Фабричный — к станку, инженер — к кульману. Студент — сессию сдавать.

Да ведь и первое выходным сделали лет десять назад — в сорок восьмом. Раньше, в войну или в тридцатые, — какие там новогодние праздники! Отоспаться бы в Новый год кто живой.

Тех, кто хлебнул в своей жизни военного-послевоенного лиха, в окружении Данилова большинство. Смотрят на него, юнца сорокового года рождения, в лучшем случае снисходительно. Ропщут, чуть не вслух: мы-де на фронтах кровь проливали, в кабинетах ночи напролет при усатом батьке просиживали, а этот молокосос явился — и его сразу помощником первого секретаря сделали! Хрущева, которому шлея под хвост попала, вслух пока не хулили. Но недвольны были сильно.

10 Работал Данилов в державном здании ЦК на Старой площади. Имел отдельный кабинет за двумя дверьми, обитыми дерматином. И даже секретарша к нему была приставлена, Ангелина Павловна, лет сорока семи. Она, слава богу, к нему по-доброму относилась, можно сказать, по-матерински. Заботилась, чтобы он всегда сыт был, иной раз ему из столовой обед-ужин сама на подносике притаскивала или домашними пирожками подкармливала. На все даниловские расспросы отвечала совсем не свысока, а подробно, четко, обстоятельно. Насколько могла, просвещала насчет тайных извивов высокого партийного политеса.

Данилов помощь ценил, Ангелине доверял и в ней нуждался. А чтобы уравновесить явное недоброжелательство коллег по ЦК, старался поддерживать отношения со своим студенческим окружением. Просил и Вальку, и Валерку, с которыми он жил в студенческом общежитии Техноложки, звонить ему в любое время. Дал им свой домашний номер и прямой рабочий, не через Ангелину. При первой возможности приглашал их в кафе, пивную или театр — деньжата у него, по сравнению со студенчеством, появились, а «корочка» с золотыми буквами ЦК КПСС отпирала любые двери.

И еще потому Данилов нуждался в Валентине с Валерием, что просил друзей «приглядывать за Ларисой Жаворонковой». На их откровенный вопрос: почему бы, мол, ему самому с ней не встречаться и лично не приглядывать, рассказал побасенку, что у них с Лариской все сложно. Она на него обижена и сердита, но он не теряет надежды и т. п.

А что ему было рассказывать, правду — она, дескать, его *мать будущая*? Что через десяток с лиш-

ним лет Жаворонкова и отец должны встретиться? Зачать и родить Данилова? 11

И как оно все дальше будет — если он сейчас в теле своего собственного отца находится и непонятно, когда из него сможет выбраться? Как история его семьи пойдет дальше?

От этих вопросов голова у Данилова пухла. Ответов на них он не находил и потому старался гнать прочь. Одно знал определенно: девушку, которой суждено стать его матерью, бросать на произвол судьбы не следует. И раз ему ведомо будущее, он обязан ее от всяких неприятных неожиданностей оберегать.

И вот пятого января, в понедельник, ему в рабочий кабинет позвонил Валька. По прямому проводу, минуя Ангелину. Голос дружбана звучал эйфорически.

— Представляешь, старик! — орал он в трубку. — Мы сопромат сдали! Я вообще на пять баллов, сечешь? И Валерка на «хорошо», врубаешься?

— Я в вас верил, друзья мои! — воскликнул Данилов.

Эх, ему бы их заботы: сопромат! Одно слово — студиозы. И этот смешной жаргончик шестидесятилетней давности: «сечешь», «врубился».

— Теперь жениться можно! — продолжал неистовствовать радостный Валёк. — Кстати! Совсем забыл! Твоя Лариска замуж собралась!

— Вот как? Лариса Жаворонкова? Ты уверен?

— Точняк, тебе говорю. Я ее тут встретил: ходит, вся светится. Так что упустил ты кадр.

— И кто счастливцев? Кто ее избранник?

— Чувак один с Урала.

При слове «Урал» внутри Данилова словно предупредительный звоночек прозвенел, и он стал спрашивать:

12 — А где мужик тот учится? У нас в Техноложке?

— В какой Техноложке! Я тебе говорю: он уралец. Взрослый мэн, вуз уже окончил.

Да, мать, перед тем как выйти за отца и стать Даниловой, была замужем. Но совсем не за взрослым и никак не уральцем.

А Валентин продолжал распространяться:

— Ехал я тут с ней в метро. Она — счастливая! Не идет — летит. И давай мне все выкладывать. Ее прям распирает. Я, говорит, в эти зимние каникулы с ним в поход пойду, на Северный Урал.

При словах о походе да на Северный Урал звоночек внутри Данилова превратился в набатный колокол.

— Мы как раз с ней в метро общались, когда она к нему ехала. Он, говорит, в Москву в командировку прибыл, встречаемся мы с ним.

— Да? Вот как? И как же того хахалю зовут? Не Дятлов ли случайно?

— Да какой Дятлов! Фамилия у него какая-то смешная. А зовут Жорой или Юрой. Георгий, короче.

— Смешная фамилия? А как конкретно?

— Ты прям как полевой вцепился! По-моему, Кривонищенко, или что-то вроде.

Данилов записал на перекидном календаре: «Кривонищенко Георгий» и рядом поставил знак вопроса.

— А какой он вуз оканчивал, не помнишь?

— Ты прям как мамочка расспрашиваешь! Зачем тебе?

— Рожу ему чистить собираюсь, — буркнул молодой человек. — Накапливаю информацию.

— Опоздал ты, брат, боюсь, совсем опоздал, — с несколько лицемерным сочувствием проговорил Валёк.

— Значит, где, говоришь, он тут, в столице, остановился?

— Реально махаться с ним будешь?

— Может, придется.

— Только я тебе ничего не говорил. Ты как будто случайно их встретил... Где он остановился, не знаю, но она сказала, что в гостинице живет. И Лариска твоя как раз к нему ехала. Еще спросила: пустят ли ее к нему в номер или это запрещено?

— Ехала-то куда?

— Вышла на конечной, «ВСХВ»¹.

— И давно это было?

— Да вот полчаса назад.

— Это всё? Или еще чем-то меня обрадуешь?

— Э, чувак, я, вообще-то, тебя хотел позвать пивка попить, отметить, что сопромат спихнули.

— Спасибо, старина, но давай в другой раз. Я ведь на работе, и дел тут навалилось выше крыши.

— Ну, тогда бывай, ответственный, хе, работник ЦК.

Данилов положил трубку. Проживая свою жизнь в двадцать первом веке, он никогда не интересовался темой перевала Дятлова, но наслышан был. И слова Валентина о походе на Северный Урал заставили задуматься. Еще как задуматься! Да, группа Дятлова пошла как раз на Северный Урал в конце пятидесятых годов. А когда она вообще-то погибла? В пятьдесят седьмом? Или восьмом? Или вовсе в шестидесятом? Или прямо сейчас — в пятьдесят девятом?

И его будущая мать собирается идти с ними?! В поход?! На Северный Урал?!

---

¹ Сейчас «ВДНХ», переименована в декабре 1959 года.

14 Боже, как же сложно, когда под рукой нет Интернета! И ведь никак не проверишь информацию — если даже гибельный дятловский поход случился все-таки *в прошлом*, год или два назад, о нем ведь не писали советские газеты, даже словом не обмолвились.

Но, впрочем, в руках Данилова имелся могучий информационный ресурс в виде ЦК партии.

Он выскочил в предбанник. Ангелина, надев очки, печатала какую-то справку в две закладки копирки.

— Ангелиночка Павловна, — резко спросил Данилов, — помните такой случай: группа советских туристов, студентов, погибла во время зимнего похода на Урале. Умерли все, больше десяти человек. Год назад, два или три?

— Н-нет, ничего подобного не припомню.

— А могло такое событие до ЦК не дойти?

— Да ну что вы! О чем вы говорите! Мы бы точно знали.

— Тогда, Ангелиночка Пална, я вас прошу, бросьте все. Садитесь на телефон и звоните, свехсрочно, молнией, в вузы Свердловска. И не только Свердловска, но вообще всего Уральского региона. Выясните: идет ли на эти зимние каникулы в поход студенческая тургруппа под руководством некоего Дятлова. И дайте мне, пожалуйста, телефонный справочник. Какие там гостиницы у нас есть в районе ВДНХ, то есть ВСХВ?

Ангелина — вот что значит школа! — казалось, одновременно ухитрилась сделать два дела. Одной рукой записала в рабочий блокнот установочные данные, что сгрузил ей Данилов:

— *Урал,*

— *вузы,*

- *поход,*
- *Дятлов.*

И как будто бы другой рукой в то же самое время протянула ему справочник Московской городской телефонной сети, причем раскрытым на странице, где гостиницы. Причем нужные ему в районе Выставки — «Турист», «Золотой колос», «Байкал» — загадочным образом оказались отмечены легкими карандашными галочками.

Данилов схватил фолиант и убежал. Открывая двери к себе, он слышал, как верная секретарша набирает междугородний номер. В ЦК партии уже появилось чудо-чудесное — импортные АТС фирмы «Строуджер», поэтому здесь, в единственном месте в стране, можно было звонить по межгороду не через телефонистку, а напрямую, набирая номер.

Сам же Данилов из своего кабинета принялся обзванивать гостиницы. Волшебные слова — «С вами говорят из ЦК партии» — оказывали на собеседников магическое воздействие. Он даже свою должность преуменьшал: негоже помощнику Никиты Сергеича простым гостиничным клеркам телефонировать. Представлялся: «Инструктор ЦК КПСС Данилов» — и все равно пред ним стелились.

Довольно быстро удача ему улыбнулась. Во втором корпусе отеля «Золотой колос» дежурная сказала: да, значит такой Кривонищенко, проживает в триста девятом номере.

— Он сейчас у себя? Или вышел?

— Ключ не сдавал. Значит, у себя, наверное.

— Посетители находятся у него в номере в настоящее время?

— Не могу знать. Не видела. Если хотите, могу дежурную по этажу спросить. — Да-да, в то время

16   имелось такое чудо в советских гостиницах, как *дежурная по этажу*. Она восседала у лестницы или у лифта и зорко секла, чтобы вверенные ей постояльцы не роняли честь и достоинство коммуниста-комсомольца.

— Не надо, лучше сами зайдите к нему в номер и попросите, чтобы он до моего прибытия никуда не отходил. Я приеду к нему для личной беседы.

А тут и Ангелина к нему вежливо поскреблась. Данилов распахнул дверь, и секретарша доложила:

— Свердловск, Уральский политехнический. Действительно, тургруппа Дятлова собирается на Северный Урал в поход третьей категории сложности.

— Прекрасно! Телефон ректора? И секретаря парткома института?

Вышколенная помощница подала ему листочек с четырьмя фамилиями и телефонами: кроме запрошенных там значились еще председатель профкома и начальник турклуба.

— Со Свердловском разница во времени два часа. Там сейчас уже восемнадцать.

— Я в курсе. Будем надеяться, секретарь парткома привык в прежние времена допоздна засиживаться. Спасибо вам огромное за помощь!

Нет, даже без Интернета можно жить. Если ты в ЦК партии, конечно, работаешь.

— И соедините меня, пожалуйста, Ангелина Пална, с секретарем парткома института.

Тоже политес, которому Данилов не сразу, но выучился: для пушшего эффекта на периферию лучше звонить через секретаршу.

Минуты через три в трубке раздался вальяжный, но исполненный чиновничества голос партийного начальника. После взаимных расшаркиваний, когда

секретарь парткома всячески пытался нащупать, к добру ли, к худу ли раздался звонок из «большого ЦК», Данилов влепил в лоб:

— До нас дошла информация, что у вас собирается в туристический поход группа под руководством некоего Дятлова.

Вряд ли главный партиец огромного института ведал об этом, да и фамилию Дятлова слышал едва ли, поэтому ограничился в ответ неопределенным междометием, чем-то средним между «да-да» и «я же их предупреждал».

— Так вот, есть мнение, что экспедицию эту следует отменить, а группу — расформировать.

— Понимаю. А что такое? В чем причина?

Подставлять несчастных «дятловцев» и возводить на них поклепы Данилов не собирался, поэтому проговорил обтекаемо:

— На маршруте возможны нежелательные встречи.

— Понимаю вас, — столь же глубокомысленно отвечив, партийный чинуша, хотя ни черта, конечно, не понимал.

Данилов положил трубку, достал из шкафа свое пальто с шапкой и бросился к выходу. Конечно, партийный секретарь вуза к его звонку должен прислушаться, не может не прислушаться. С другой стороны, дисциплинка в стране успела подрастать. И если лет десять назад, когда жив был усатый упырь, после подобного звонка из Москвы всю группу дятловскую могли ненароком и расстрелять, то теперь, кто знает, может, и вовсе пропустят в Свердловске «сигнал» мимо ушей? Надо подстраховаться. Поэтому молодой человек бросился вниз, к машине.

Несолидно выскочил, почти бегом кинулся к стоянке. Шоферы персональных «ЗИМов», «Волг»,

18 а то и «ЗИСов» потоптывали на морозце, похлопывали руками, но курили, сбившись в кучу, и судачили. Они оглядели Данилова исподлобья — Алексея не уважали. Странно им было: чуваку положена по штату персоналка с личным водилой, а он, юнец, несерьезный оранжевый «Москвич» за собственный счет купил. Сам за рулем горбится. И моет свою тачку сам, и заправляет, и даже чинит.

Но помимо удовольствия носиться за рулем по полупустому городу, Данилов очень хорошо представлял себе, что все эти водилы из спецгаража постукивают на своих хозяев, конечно: куда ездил, по какому адресу, да о чем в салоне говорил, как о ком отзывался. А зачем Алексею такое счастье? И так, он не сомневался, все время находится под колпаком. И кабинет его слушают, и квартиру — несомненно. Может, даже в «Москвича» жучок воткнули.

Он вставил ключ в зажигание, вырулил с парковки и погнал.

Быстро долетел до круга на Лубянке — памятник Дзержинскому тут только-только появился¹. Пронесся по улице Дзержинского, потом по Сретенке. Светофор над Садовым горел разрешительным светом. Только в этом, пятьдесят девятом году их конструкцию начнут менять: зеленый сигнал поместят вниз, красный — вверх. Пока же все наоборот: зеленый — выше всех.

Молодой человек в «Москвиче» помчался по проспекту Мира. Четверти часа не прошло, как он миновал свой дом возле метро «Мир» (так в ту пору называ-

---

¹ Памятник основателю ВЧК Дзержинскому (скульптор Е. Вучетич) на одноименной площади, перед зданием КГБ, был установлен 20 декабря 1958 года. В августе 1991-го, после провала путча, его снесли. В настоящее время скульптура находится в парке «Музеон».